

АРТУР

ШОПЕНГАУЭР

МИР • КАК • ВОЛЯ
И • ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

ВСЯ • ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ
СУЩЕСТВУЕТ • ТОЛЬКО
ДЛЯ • РАССУДКА,
ТОЛЬКО • В • РАССУДКЕ

В Е Л И К И Е И Д Е И

Артур Шопенгауэр

Мир как воля и представление

Серия «Великие идеи»

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9751067

Артур Шопенгауэр. Мир как воля и представление: Эксмо; Москва;

2015

ISBN 978-5-699-78857-6

Аннотация

Артур Шопенгауэр – немецкий философ-иррационалист. Учение Шопенгауэра, основные положения которого изложены в труде «Мир как воля и представление» и других работах, часто называют «пессимистической философией». Считал человеческую жизнь бессмысленной, а существующий мир – «наихудшим из возможных миров».

Мир по Шопенгауэру – это «арена, усыпанная угольями», через которую человеку предстоит пройти. Движущая сила всего – воля к жизни, порождающая желания. Но даже если желания удовлетворены, человек не способен испытывать счастье, вместо этого его ждут пресыщение и скука, а затем новые желания и страдания.

Оригинальные идеи Шопенгауэра получили развитие в различных сферах общественной и научной мысли. Его взгляды

повлияли на психоанализ и теорию эволюции, на различные направления философии и изучение структуры языка.

Первый перевод труда Шопенгауэра на русский язык был выполнен в 1903 году литературным критиком Юлием Исаевичем Айхенвальдом, который называл себя критиком-импрессионистом и пользовался большим уважением в литературных кругах. Благодаря переводам Юлия Айхенвальда нам доступны все основные работы Артура Шопенгауэра.

Как и другие книги серии «Великие идеи», книга будет просто незаменима в библиотеке студентов гуманитарных специальностей, а также для желающих познакомиться с ключевыми произведениями и идеями мировой философии и культуры.

О серии: Серия «Великие идеи» представляет собой библиотеку выдающихся образцов человеческой мысли. Это подборка знаменитых произведений мыслителей всех времен и народов. Это главные произведения философов с древнейших времен: от Конфуция и Платона до Фрейда и Ницше. Мы особенно тщательно подбираем произведения, которые просто необходимо иметь в своей библиотеке как студентам, так и всем образованным и эрудированным людям. Удобный карманный формат, мягкая обложка позволят знакомиться с литературными трудами по пути в институт или на работу. Наши редакторы для удобства использования выделили в каждой книге раздел «Избранные цитаты», которые позволят при необходимости быстро вспомнить ключевые мысли авторов.

О книге: В эту книгу вошли выдержки из главного произведения философской теории Шопенгауэра

– Мир как воля и представление. Прочитав эту книгу, вы погрузитесь в пессимистический мир философии Шопенгауэра. Оригинальность, эмоциональность его идей воистину захватывает и не оставляет равнодушным. Труды этого немецкого философа являются классикой немецкой философии. Для кого: – для тех, кто интересуется философией – для тех, кто ценит удобные форматы В серии выходят: Никколо Макиавелли "Государь" Фридрих Ницше "Так говорил Заратустра" Эммануил Кант "Критика практического разума" Платон "Апология Сократа. Критон. Протагор" Александр Суворов "Наука побеждать" Артур Шопенгауэр "Мир как воля и представление" Конфуций "Суждения и беседы" Зигмунд Фрейд "Психопатология обыденной жизни" Лев Толстой "В чем моя вера" Аристотель "Политика" Сунь-Цзы "Искусство войны"

В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

Содержание

Философ пессимизма	9
Предисловие	11
О мире как представлении	13
Предисловие к первому изданию[1]	13
Первое размышление: представление, подчиненное закону основания: объект опыта и науки	24
§ 1	24
§ 2	29
§ 3	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Артур Шопенгауэр

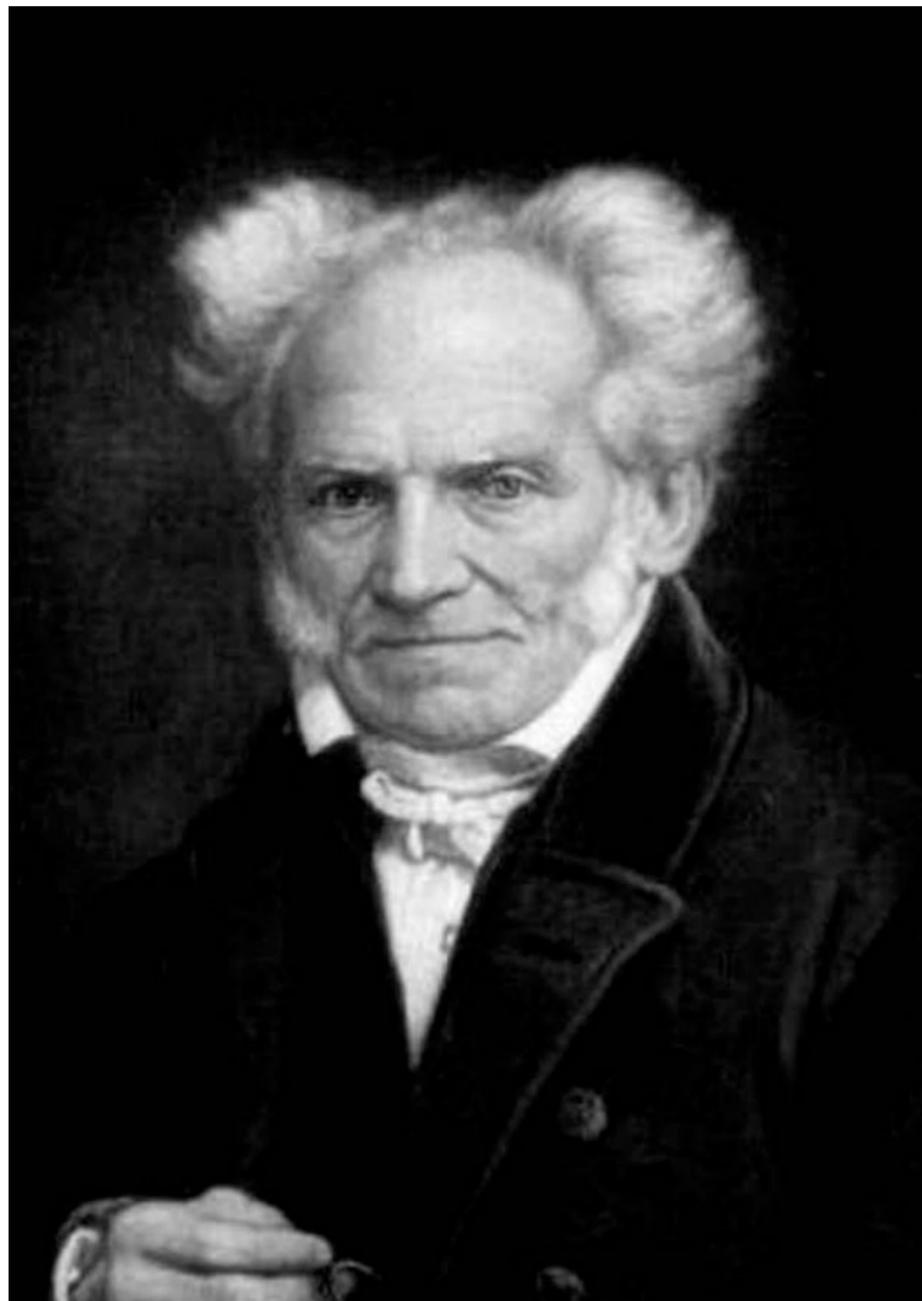
Мир как воля и представление

Оригинал-макет подготовлен издательским центром
«НОУФАН» nofunpublishing.com
valery@nofunpublishing.com +7 (903) 215-68-69

© ИП Сирота, текст, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

* * *

Артур Шопенгауэр (1788–1860)

Философ пессимизма

Артур Шопенгауэр – немецкий философ-иррационалист. Учение Шопенгауэра, основные положения которого изложены в труде «Мир как воля и представление» и других работах, часто называют «пессимистической философией». Считал человеческую жизнь бессмысленной, а существующий мир – «наихудшим из возможных миров».

1788 – Артур Шопенгауэр родился в прусском городе Данциге (ныне Гданьск, Польша). Его родители были образованными людьми, отец занимался торговлей, мать держала литературный салон.

1799 – Поступил в элитарную частную гимназию Рунге.

1805 – По настоянию отца начал работать в крупной гамбургской торговой компании.

1809 – После смерти отца и двухгодичной подготовки поступил на медицинский факультет Геттингенского университета. Позже перешел на философский факультет.

1812 – Йенский университет заочно присвоил Шопенгауэру звание доктора философии.

1819 – Шопенгауэр завершил и опубликовал свой главный труд «Мир как воля и представление». Об остальных сочинениях говорил, что написал их лишь для его популяризации.

1820 – Начал преподавать в Берлинском университете в

звании доцента. В это же время там работал Гегель, между двумя философами возникли разногласия.

1831 – Шопенгауэр, спасаясь от холеры, покинул Берлин и поселился во Франкфурте-на-Майне.

1840-е – Стал членом одной из первых организаций, защищавшей права животных.

1860 – Философ скоропостижно скончался от пневмонии.

Предисловие

Центральным трудом своей жизни Артур Шопенгауэр считал работу «Мир как воля и представление», а все, написанное после, – лишь ее продолжением и разъяснением. Мир по Шопенгауэру – это «арена, усыпанная угольями», через которую человеку предстоит пройти. Движущая сила всего – воля к жизни, порождающая желания. Но даже если желания удовлетворены, человек не способен испытывать счастье, вместо этого его ждут пресыщение и скука, а затем новые желания и страдания.

В первой из четырех книг трактата, «О мире как представлении», философ рассуждает об объекте человеческого опыта и научных исследований, критикуя другие теории, в частности Канта. Основная мысль книги – «мир есть мое представление», то есть мир – такой, каким его видит человек, – существует лишь в его представлении.

Оригинальные идеи Шопенгауэра получили развитие в различных сферах общественной и научной мысли. Его взгляды повлияли на психоанализ и теорию эволюции, на различные направления философии и изучение структуры языка.

Первый перевод труда Шопенгауэра на русский язык был выполнен в 1903 году литературным критиком Юлием Исаевичем Айхенвальдом, который называл себя критиком-им-

прессионистом и пользовался большим уважением в литературных кругах. Айхенвальд написал несколько философских работ, его статьи и очерки регулярно печатались в популярных изданиях. Он много лет изучал труды Артура Шопенгауэра и в основном разделял его взгляды. Благодаря переводам Юлия Айхенвальда нам доступны все основные работы этого великого философа.

О мире как представлении

Предисловие к первому изданию¹

Я хочу объяснить здесь, как следует читать эту книгу, для того чтобы она была возможно лучше понята. То, что она должна сообщить, заключается в одной единственной мысли. И тем не менее несмотря на все свои усилия я не мог найти для ее изложения более короткого пути, чем вся эта книга.

Я считаю эту мысль тем, что очень долго было предметом исканий под именем философии, что именно поэтому людьми исторически образованными было признано столь же невозможно найти, как и философский камень, хотя уже Плиний сказал им: «Сколь многое считают невозможным, пока оно не осуществится».

Смотря по тому, с какой из различных сторон рассматривать эту единую мысль, она оказывается и тем, что называли метафизикой, и тем, что называли этикой, и тем, что называли эстетикой. И, конечно, она должна «быть всем этим», если только она действительно есть то, за что я ее выдаю.

¹ Книга первая из труда «Мир как воля и представление» («Die Welt als Wille und Vorstellung»), пер. с нем. Ю. И. Айхенвальда.

Система мыслей должна постоянно иметь связь *архитектоническую*, то есть такую, где одна часть всегда поддерживает другую, но не поддерживается ею, где краеугольный камень поддерживает, наконец, всё части, сам не поддерживаемый ими, и где вершина поддерживается сама, не поддерживая ничего. Наоборот, *одна-единственная мысль*, как бы ни был значителен ее объем, должна сохранить совершенное единство. Если, тем не менее, в целях передачи она допускает разделение на части, то связь этих частей все-таки должна быть *органической*, то есть такой, где каждая часть настолько же поддерживает целое, насколько она сама поддерживается им, где ни одна не первая и не последняя, где вся мысль от каждой части выигрывает в ясности и даже самая малая часть не может быть вполне понята, если заранее не понято целое. Между тем книга должна иметь первую и последнюю строку, и потому в этом отношении она всегда остается очень непохожей на организм, как бы ни походило на него ее содержание: между формой и материей здесь, таким образом, будет противоречие.

Отсюда ясно, что при таких условиях для проникновения в изложенную мысль нет иного пути, как прочесть эту книгу два раза, и притом в первый раз с большим терпением, которое можно почерпнуть только из благосклонного доверия, что начало почти так же предполагает конец, как конец – начало, и каждая предыдущая часть почти так же предполагает последующую, как последующая – первую. Я говорю

«почти», ибо вполне так дело не обстоит, но честно и добросовестно сделано все возможное для того, чтобы сначала изложить то, что менее всего объясняется лишь из последующего, как и вообще сделано все, что может способствовать предельной отчетливости и внятности. До известной степени это могло бы и удалиться, если бы читатель во время чтения думал только о сказанном в каждом отдельном месте, а не думал (что очень естественно) и о возможных оттуда выводах, благодаря чему, кроме множества действительно существующих противоречий мнениям современности и, вероятно, самого читателя, приходят еще много других, предвзятых и воображаемых. В результате возникает страстное неодобрение там, где пока есть только неверное понимание, тем менее признаваемое, однако, в качестве такового, что обретенная с трудом ясность слога и точность выражения, хотя и не оставляют сомнений в непосредственном смысле сказанного, но не могут одновременно обозначить и его отношений ко всему остальному. Поэтому, как я уже сказал, первое чтение требует терпения, почерпнутого из доверия к тому, что во второй раз многое или всё покажется совершенно в ином свете. Кроме того, серьезная забота о полной и даже легкой понятности при очень трудном предмете должна служить извинением, если кое-где встретится повторение. Уже самый строй целого – органический, а не похожий на звенья цепи – заставлял иной раз касаться одного и того же места дважды. Именно этот строй, а также очень тесная вза-

имосвязь всех частей не позволили мне провести столь ценное мною разделение на главы и параграфы и принудили меня ограничиться четырьмя главными разделами – как бы четырьмя точками зрения на одну мысль. Однако в каждой из этих четырех книг надо особенно остерегаться, чтобы из-за обсуждаемых по необходимости деталей не потерять из виду главной мысли, к которой они принадлежат, и последовательного хода всего изложения. Вот первое и, подобно следующим, неизбежное требование, предъявляемое неблагоклонному читателю (неблагоклонному к философу, потому что читатель сам – философ).

«Жизнь коротка, а истина влится далеко и живет долго: будем говорить истину»

Второе требование состоит в том, чтобы до этой книги было прочитано введение к ней, хотя оно и не находится в ней самой, а появилось пятью годами раньше, под заглавием «О четвероюм корне закона достаточного основания. Философский трактат». Без знакомства с этим введением и пропедевтикой² решительно невозможно правильно понять настоящее сочинение, и содержание названного трактата настолько предполагается здесь повсюду, как если бы он находился в самой книге. Впрочем, если бы он не появился раньше ее на несколько лет, он не открывал бы моего главного произведения в качестве вступления, а был бы органически

² Пропедевтика – предварительное обучение, вводный курс. – *Здесь и далее прим, ред., если не указано иное.*

введен в его первую книгу, которая теперь, поскольку в ней отсутствует сказанное в трактате, являет известное несовершенство уже этим пробелом и постоянно должна восполнять его ссылками на упомянутый трактат.

Однако списывать у самого себя или кропотливо пересказывать еще раз уже высказанное однажды мне было бы столь противно, что я предпочел этот путь несмотря даже на то, что теперь я мог бы лучше изложить содержание своего раннего трактата и очистить его от некоторых понятий, вытекающих из моего тогдашнего чрезмерного увлечения кантовской философией, каковы, например, категории, внешнее и внутреннее чувство и так далее. Впрочем, и там эти понятия находятся еще только потому, что я до тех пор, собственно, никогда не погружался глубоко в работу над ними. Поэтому они играют побочную роль и совсем не касаются главного предмета, так что исправление таких мест в упомянутом трактате совершится в мыслях читателя само собой благодаря знакомству с «Миром как волей и представлением». Но только в том случае, если из моего трактата «О четвероюм корне» будет вполне понятно, что такое закон основания и что он означает, на что распространяется и на что не распространяется его сила; если будет понятно, что этот закон не существует прежде всех вещей и что весь мир не является лишь вследствие и в силу него, словно его королларий³, и что, наоборот, закон основания не более, чем форма, в ко-

³ Здесь – необходимое, само собой разумеющееся следствие чего-либо.

торой всюду узнается постоянно обусловленный субъектом объект, какого бы рода он ни был, поскольку субъект служит познающим индивидом, – только в этом случае можно будет приступить к впервые испробованному здесь методу философствования, совершенно отличному от всех существовавших доселе.

То же самое отвращение к буквальному списыванию у самого себя или же пересказу прежнего другими и худшими словами – ибо лучшие я сам у себя предвосхитил – обусловило и другой пробел в первой книге этого произведения, а именно я опустил все то, что сказано в первой главе моего трактата «О зрении и цвете» и что иначе дословно было бы приведено здесь. Следовательно, здесь предполагается также знакомство и с этим прежним небольшим сочинением.

Наконец, третье требование к читателю могло бы даже безмолвно подразумеваться само собою, ибо это не что иное, как знакомство с самым важным явлением, какое только знает философия в течение двух тысячелетий и которое так близко к нам: я имею в виду главные произведения Канта⁴. Влияние, оказываемое ими на ум того, кто их действительно воспринимает, можно сравнить, как это уже и делали, со снятием катаракты у больного. И если продолжить это сравнение, то мой замысел надо охарактеризовать так: я хотел вручить очки тем, для кого названная операция была удачна, так

⁴ «Критика чистого разума» (1781), «Критика практического разума» (1788) и «Критика способности суждения» (1790).

что сама она составляет необходимое условие для пользования ими. Хотя поэтому исходным моим пунктом и служит всецело то, что высказал великий Кант, но именно серьезное изучение его творений позволило мне найти в них значительные ошибки, которые я должен был вычлениить и отвергнуть для того, чтобы очищенное от них его учение могло служить мне основой и опорой во всей своей истине и красоте. Но чтобы не прерывать и не запутывать своего изложения частной полемикой против Канта, я вынес ее в специальное приложение⁵. И насколько, согласно сказанному, моя книга предполагает знакомство с философией Канта, настолько же требует она знакомства и с этим приложением. Поэтому можно было бы посоветовать прочесть сначала приложение, тем более что по своему содержанию оно тесно примыкает именно к первому отделу настоящего труда. С другой стороны, по самому существу предмета нельзя было избежать и того, чтобы и приложение подчас не ссылалось на само произведение. Отсюда следует только то, что и приложение, как и главная часть книги, должны быть прочитаны дважды.

Таким образом, философия Канта – единственная, основоположное знакомство с которой предполагается в настоящем изложении. Но если кроме того читатель провел еще некоторое время в школе божественного Платона⁶, то он тем луч-

⁵ В настоящее издание не вошло.

⁶ Платон (428/427—348/347 гг. до н. э.) – древнегреческий философ, ученик Сократа, учитель Аристотеля.

ше будет подготовлен и восприимчив к моей речи. А если он испытал еще благодетельное воздействие Вед⁷, доступ к которым, открытый Упанишадами⁸, является в моих глазах величайшим преимуществом, каким отмечено наше юное еще столетие⁹ сравнительно с предыдущими, – ибо я убежден, что влияние санскритской литературы будет не менее глубоко, чем в XV веке было возрождение греческой, – если, говорю я, читатель сподобился еще посвящения в древнюю индийскую мудрость и чутко воспринял ее, то он наилучшим образом подготовлен слушать все то, что я поведаю ему. Для него оно не будет тогда звучать чуждо или враждебно, как для многих других; ибо если бы это не казалось слишком горделивым, я сказал бы, что каждое из отдельных и отрывочных изречений, составляющих Упанишады, можно вывести как следствие из излагаемой мною мысли, но не наоборот, – саму ее найти в них нельзя.

Однако большинство читателей уже потеряли терпение, и у них вырывается, наконец, упрек, от которого они так долго и с трудом удерживались: как смею я предлагать публике книгу, выдвигая условия и требования, из которых первые два высокомерны и нескромны, и это в то время, когда все-

⁷ Веды – памятники древнеиндийской литературы (конец второго – начало первого тысячелетия до н. э.).

⁸ Упанишады – заключительная часть вед, основа всех религиозных и философских систем Индии.

⁹ XIX век.

общее богатство самобытных идей столь велико, что в одной Германии они благодаря книгопечатанию ежегодно становятся общим достоянием в количестве трех тысяч содержательных, оригинальных и совершенно незаменимых произведений и, сверх того, бесчисленных периодических журналов и даже ежедневных газет; в то время, когда нет ни малейшего недостатка в своеобразных и глубоких философах, когда, напротив, в одной Германии их одновременно процветает больше, чем могут предъявить несколько столетий подряд? Как же, спрашивает разгневанный читатель, исчерпать все это, если к каждой книге приступать с такой подготовкой?

«Я с глубокой серьезностью посылаю в мир свою книгу в уповании, что рано или поздно она дойдет до тех, кому единственно и предназначалась»

Я решительно ничего не могу возразить против этих упреков и надеюсь лишь на некоторую благодарность со стороны таких читателей за то, что я заблаговременно предупредил их не терять и часа над книгой, чтение которой не может быть плодотворно, если не выполнены выставленные требования, и которую поэтому лучше оставить совсем. К тому же, можно смело поручиться, что она вообще не понравилась бы им, что она всегда будет служить *только для немногих людей* и поэтому должна спокойно и скромно дожидаться тех немногих, чье необычное мышление найдет ее для себя желанной. Ибо даже оставляя в стороне подготовку и на-

пряжение, которых она требует от своего читателя, кто же из образованных людей нашего времени, когда наука приблизилась к той прекрасной точке, где парадокс совершенно отождествляется с ложью, – кто же решится почти на каждой странице встречать мысли, прямо противоречащие тому, что он раз и навсегда признал окончательной истиной? И затем, как неприятно разочарованы были бы иные лица, не найдя здесь и речи о том, чего именно здесь, по их крайнему убеждению, и следовало бы искать, ибо образ их спекулятивного мышления совпадает с умозрением одного еще здравствующего великого философа¹⁰, который написал поистине трогательные книги и имеет только одну маленькую слабость: все то, что он выучил и одобрил до пятнадцатого года своей жизни, он считает врожденными основными идеями человеческого духа. Кто бы вытерпел все это? И поэтому я опять советую отложить книгу в сторону.

Но я боюсь, что и этим не отделаюсь. Читатель, дошедший до предисловия, которое его отвергает, купил книгу за наличные деньги, и он спрашивает, как ему возместить убыток. Мое последнее средство защиты – это напомнить ему, что он властен, и не читая книги, сделать из нее то или другое употребление. Она, как и многие другие, может заполнить пустое место в его библиотеке, где, аккуратно переплетенная, несомненно будет иметь красивый вид. Или он может

¹⁰ Намек на Фридриха Якоби (1743–1819), немецкого философа, твердого приверженца теизма и противника философии Канта.

положить ее на туалетный или чайный столик своей ученой приятельницы. Или, наконец, – это самое лучшее, и я ему особенно это советую, – он может написать на нее рецензию.

* * *

А теперь, позволив себе шутку, для которой в нашей сплошь двусмысленной жизни едва ли может быть слишком серьезна какая бы то ни была страница, я с глубокой серьезностью посылаю в мир свою книгу в уповании, что рано или поздно она дойдет до тех, кому единственно и предназначалась. И я спокойно покоряюсь тому, что и ее в полной мере постигнет та же участь, которая в каждом познании, и тем более в самом важном, всегда выпадала на долю истины: ей суждено лишь краткое победное торжество между двумя долгими промежутками времени, когда ее отвергают как парадокс и когда ею пренебрегают как тривиальностью. И первый удел обыкновенно разделяет с ней ее зачинатель. Но жизнь коротка, а истина влияет далеко и живет долго: будем говорить истину.

Дрезден, август 1818 г.

Первое размышление: представление, подчиненное закону основания: объект опыта и науки

*Расстанься с детством, друг, пробудись!
Жан-Жак Руссо*

§ 1

«Мир есть мое представление»: вот истина, которая имеет силу для каждого живого и познающего существа, хотя только человек может возводить ее до рефлексивно-абстрактного¹¹ сознания; и если он действительно это делает, то у него зарождается философский взгляд на вещи. Для него становится тогда ясным и несомненным, что он не знает ни солнца, ни земли, а знает только глаз, который видит солнце, руку, которая осязает землю; что окружающий его мир существует лишь как представление, то есть исключительно по отношению к другому, к представляющему, каковым является сам человек. Если какая-нибудь истина может быть вы-

¹¹ Рефлексивно-абстрактного – здесь: способного познавать самого себя.

сказана *a priori*, то именно эта, ибо она – выражение той формы всякого возможного и мыслимого опыта, которая имеет более всеобщий характер, чем все другие, чем время, пространство и причинность: ведь все они уже предполагают ее, и если каждая из этих форм, в которых мы признали отдельные виды закона основания, имеет значение лишь для отдельного класса представлений, то, наоборот, распадение на объект и субъект служит общей формой для всех этих классов, той формой, в которой одной вообще только возможно и мыслимо всякое представление, какого бы рода оно ни было – абстрактное или интуитивное, чистое или эмпирическое. Итак, нет истины более несомненной, более независимой от всех других, менее нуждающейся в доказательстве, чем та, что всё существующее для познания, то есть весь этот мир, является только объектом по отношению к субъекту, созерцаемым для созерцающего, короче говоря – представлением. Естественно, это относится и к настоящему, и ко всякому прошлому, и ко всякому будущему; относится и к самому отдаленному, и к близкому: ибо это распространяется на само время и пространство, в которых только и находятся все эти различия. Все, что принадлежит и может принадлежать миру, неизбежно отмечено печатью этой обусловленности субъектом и существует только для субъекта. Мир есть представление.

Новизной эта истина не отличается. Она содержалась уже в скептических размышлениях, из которых исходил Де-

карт¹². Но первым решительно высказал ее Беркли¹³: он приобрел этим бессмертную заслугу перед философией, хотя остальное в его учениях и несостоятельно. Первой ошибкой Канта было опущение этого тезиса. Наоборот, как рано эта основная истина была познана мудрецами Индии, сделавшись фундаментальным положением философии Вед, приписываемой Вьясе¹⁴, – об этом свидетельствует У. Джонс¹⁵ в последнем своем трактате «О философии азиатов»: «Основной догмат школы Веданта¹⁶ состоял не в отрицании существования материи, то есть плотности, непроницаемости и протяженности (их отрицать было бы безумием), а в исправлении обычного понятия о ней и в утверждении, что она не существует независимо от умственного восприятия, что существование и воспринимаемость – понятия обратимые». Эти слова достаточно выражают совмещение эмпирической реальности¹⁷ с трансцендентальной идеальностью¹⁸.

¹² Рене Декарт (1596–1650) – французский философ, математик, механик, физик и физиолог, создатель аналитической геометрии и современной алгебраической символики.

¹³ Джордж Беркли (1685–1753) – английский философ, епископ. Сформулировал и развивал идею разделения бытия на объекты (наблюдаемые явления) и субъекты (наблюдателей).

¹⁴ Вьяса – древнеиндийский мудрец, считающийся составителем и, возможно, автором Вед и других древних индийских текстов.

¹⁵ Сэр Уильям Джонс (1746–1794) – британский филолог, востоковед, переводчик.

¹⁶ Веданта – одно из ортодоксальных направлений индуизма.

¹⁷ Эмпирическая реальность – мир явлений как отражение объективной реаль-

Таким образом, в этой первой книге мы рассматриваем мир лишь с указанной стороны, лишь поскольку он есть представление. Но что такой взгляд, без ущерба для его правильности, все-таки односторонен и следовательно вызван какой-нибудь произвольной абстракцией, – это подсказывает каждому то внутреннее противодействие, с которым он принимает мир только за свое представление; с другой стороны, однако, он никогда не может избавиться от такого допущения. Но односторонность этого взгляда восполняет следующая книга с помощью истины, которая не столь непосредственно достоверна, как служащая здесь нашим исходным пунктом, и к которой могут привести только глубокое исследование, более тщательная абстракция, различение неодинакового и соединение тождественного, – с помощью истины, которая очень серьезна и у всякого должна вызывать если не страх, то раздумье, – истины, что и он также может и должен сказать: «Мир есть моя воля».

Но до тех пор, следовательно, в этой первой книге необходимо пристально рассмотреть ту сторону мира, из которой мы исходим, сторону познаваемости; соответственно этому мы должны без противодействия рассмотреть все существующие объекты, даже собственное тело (я это скоро поясню), только как представление, называя их всего лишь представ-

ности в сознании человека.

¹⁸ Трансцендентальная идеальность – целостность человеческого сознания как единство чувственного восприятия и рассудка.

лением. То, от чего мы здесь абстрагируемся, – позднее это, вероятно, станет несомненным для всех, – есть всегда только воля, которая одна составляет другую грань мира, ибо последний, с одной стороны, всецело есть *представление*, а с другой стороны, всецело есть *воля*. Реальность же, которая была бы ни тем и ни другим, а объектом в себе¹⁹ (во что, к сожалению, благодаря Канту выродилась и его вещь в себе), – это вымышленная несуразность, и допущение ее представляет собою блуждающий огонек философии.

¹⁹ Объект в себе (по Шопенгауэру) – уточнение понятия вещь в себе (по Канту) с учетом неразрывности связи объекта и субъекта.

§ 2

То, что все познает и никем не познается, это – *субъект*. Он, следовательно, – носитель мира, общее и всегда предполагаемое условие всех явлений, всякого объекта: ибо только для субъекта существует все, что существует. Таким субъектом каждый находит самого себя, но лишь поскольку он познаёт, а не является объектом познания. Объектом, однако, является уже его тело, и оттого само оно, с этой точки зрения, называется нами представлением. Ибо тело – объект среди объектов и подчинено их законам, хотя оно – непосредственный объект²⁰. Как и все объекты созерцания, оно пребывает в формах всякого познания, во времени и пространстве, благодаря которым существует множественность. Субъект же, познающее, никогда не познанное, не находится в этих формах: напротив, он сам всегда уже предполагается ими, и таким образом ему не свойственны ни множественность, ни ее противоположность – единство.

Мы никогда не познаем его, между тем как именно он познаёт, где только ни происходит познание.

«Реальность, которая была бы объектом в себе, – это вымышленная несуразность, и допущение ее

²⁰ Поскольку органическое тело служит исходным пунктом для созерцания всех других объектов, следовательно опосредует их, я назвал его непосредственным объектом. – *Прим. авт.*

представляет собою блуждающий огонек философии»

Итак, мир как представление – только в этом отношении мы его здесь и рассматриваем – имеет две существенные и неделимые половины. Первая из них – *объект*: его формой служат пространство и время, а через них – множественность. Другая же половина, *субъект*, лежит вне пространства и времени, ибо она вполне и нераздельно находится в каждом представляющем существе. Поэтому одно-единственное из них восполняет объектом мир как представление с той же целостностью, что и миллионы имеющихся таких существ; но если бы исчезло и его единственное существо, то не стало бы и мира как представления. Эти половины, таким образом, неразделимы даже для мысли, ибо каждая из них имеет значение и бытие только через другую и для другой, существует и исчезает вместе с нею. Они непосредственно ограничивают одна другую: где начинается объект, кончается субъект. Общность этой границы обнаруживается именно в том, что существенные и поэтому всеобщие формы всякого объекта, каковы время, пространство и причинность, мы можем находить и вполне познавать, и не познавая самого объекта, а исходя из одного субъекта, – то есть, говоря языком Канта, они *a priori* лежат в нашем сознании. Открытие этого составляет главную заслугу Канта, и притом очень большую. Я же сверх того утверждаю, что закон основания – общее выражение для всех этих *a priori* известных нам форм объекта, и потому все, познаваемое нами чисто *a*

priori, и есть не что иное, как именно содержание этого закона и вытекающие из него следствия; таким образом, в нем выражено все наше *a priori* достоверного познания. В своем трактате о законе основания²¹ я показал, как всякий объект подчиняется этому закону, то есть находится в неизбежном отношении к другим объектам как определяемый – с одной стороны, как определяющий – с другой; это идет так далеко, что все существование всех объектов, поскольку они – объекты, представления и ничего больше, вполне сводится к названному необходимому отношению их друг к другу, только в нем и состоит и потому совсем относительно; об этом скоро будет сказано подробнее. Я показал там далее, что соответственно классам, на которые по своей возможности распадутся объекты, это необходимое отношение, выражаемое законом основания в общем виде, проявляется в разных формах²², чем опять подтверждается правильность разделения этих классов. Я постоянно предполагаю здесь, что все сказанное там известно читателю и усвоено им; иначе, если все это не было бы там сказано, оно непременно нашло бы свое место здесь.

²¹ «О четверояком корне закона достаточного основания: философский трактат» («Über die vierfache Wurzel des Satzes vom zureichenden Grunde: eine philosophische Abhandlung», 1813).

²² Причинно-следственная связь физических явлений, примитивные рефлекс-ы у растений, мотивированное поведение животных, связность человеческого мышления.

§ 3

Главное различие между всеми нашими представлениями сводится к различию между интуитивным и абстрактным. Последнее образует только один класс представлений – понятия, а они на земле составляют достояние одного лишь человека, и его способность к ним, отличающая его от всех животных, искони называется *разумом*.

Эти абстрактные представления мы рассмотрим потом особо; сначала же будем говорить только об *интуитивном представлении*. Оно объемлет весь мир, или совокупность опыта вместе с условиями его возможности. Как было сказано, очень важным открытием Канта является то, что именно эти условия, эти формы опыта, то есть самое общее в восприятии его, всем его проявлениям одинаково свойственное, – время и пространство – сами по себе, независимо от своего содержания, могут быть предметом не только абстрактного мышления, но и непосредственного созерцания. И такое созерцание не есть полученный из опыта путем повторения образ фантазии, но оно настолько независимо от опыта, что, напротив, последний надо считать зависимым от него, ибо свойства пространства и времени, как их *a priori*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.